

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ
ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

**АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ
О МОНГОЛЬСКИХ
И ТЮРКСКИХ НАРОДАХ
В АКАДЕМИЧЕСКИХ
СОБРАНИЯХ РОССИИ**

Доклады научной конференции

Издание подготовили
И. А. Алимов, И. В. Кульганек, Е. В. Павлова

Санкт-Петербург
2000

М. И. Гольман

РУССКИЕ АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ МОНГОЛИИ XVII в.

Насыщенная драматическими событиями история Монголии XVII в. богата разноязычными документальными материалами.

В ряду всех этих важных источников достойное и особое место занимают богатейшие собрания русских архивных материалов, насчитывающих тысячи единиц хранения.

По XVII в. они сосредоточены главным образом в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) в Москве и в Отделении Архива Российской Академии наук в Санкт-Петербурге (Архив РАН), а также частично в Петербургском отделении Института истории РАН (ПОИИ).

В РГАДА это, прежде всего, фонды посольского приказа, сгруппированные тематически по коллекциям: дела Мунгальские, Зюнгарские — Калмыцкие, отчасти дела и сношения России с Китаем, многочисленные и объемистые столбцы Сибирского приказа и частично приказа Казанского дворца, а также фонды Иркутской, Верхотурской и Нерчинской приказных изб.

Особенностью всех этих фондов является преобладание подлинников и большого числа дубликатов.

В Архиве РАН находятся так называемые «Портфели Миллера», содержащие копии с книг делопроизводства приказных изб Томска, Тобольска, Тюмени, Тары и некоторых других сибирских городов, а в ПОИИ — фонды Иркутской воеводской избы и фонд «Нерчинские акты». И здесь также немало уникальных документов ¹.

По составу документов все эти фонды в значительной степени однообразны: в них собраны статейные списки, доезды и распросные речи русских послов в монгольские и джунгарские улусы и в Китай, записи приема монгольских посланцев и переговоров с ними в Москве и в сибирских городах, царские грамоты монгольским князьям и ханам, грамоты и указы царей сибирским воеводам и их статейные списки и отписки в Посольский и Сибирский приказы, выписки этих приказов в доклад царю и боярской думе о различных связях с монголами, сказки служилых людей, ездивших в Монголию с торгом и по другим делам, их челобитные и т. д.

Особый интерес по содержанию и как редкие образцы монгольского и ойратского «ясного письма» (монг. *тод бичиг*) XVII в. представляют сохранившиеся в оригинале полностью и фрагментарно в общей сложности 17 подлинных посланий к царям от ведущих монгольских правителей².

Отметим, что значительная часть документов — это не казенные бумаги, а живые свидетельства прямых участников описываемых событий — послов, служилых людей, торговцев, что придает особый колорит этим материалам.

Подавляющая часть документов прежде всего и главным образом касается всего комплекса российско-монгольских политических и экономических отношений. Эти документы неопровержимо свидетельствуют, что между Россией и монгольскими улусами на протяжении всего XVII в. существовали тесные связи, шел регулярный посольский и торговый обмен.

Для России мирные отношения с воинственными кочевниками служили определенной гарантией обеспечения безопасности новоприбыльных земель и сибирских островов и возможности сношений с Китаем. Не имея сил и средств для проведения какой-либо другой политики, Москва в наказах сибирским воеводам категорически требовала «войны и задоров с монголами не чинить, а быть с ними в совете»³ и стараться не вмешиваться в их внутренние дела и не стремиться к территориальным захватам, «а мунгалам и калмыкам кочевать на прежних их кочевьях»⁴.

В свою очередь, монгольские князья и ханы стремились к добрым отношениям с Россией во имя укрепления своих позиций в междоусобной борьбе, противодействия нараставшему давлению со стороны маньчжуров, ради

доступа на городские рынки Сибири, получения «государева жалованья» «государевых ратных людей с огненным боем», на чем особенно настаивал ойратский Галдан Бошокту-хан (годы правления и смерти: 1671—1697), неоднократно предлагавший заключить прямой военный союз для совместной борьбы с Цинами⁵.

Все это обусловило частый обмен посольствами, об интенсивности которого говорят, например, 10 полноценных статейных списков (отчетов) русских послов к Алтынханам, документы более 20 посольских обменов с главами Джунгарского ханства, сведения о не менее чем 10 посольствах Тушету-хана и о 6 русских послых к нему всего за 2 года (1687—1689).

В целом, как говорилось в одном из документов: «между нами послы постоянно хаживали, ибо мы прощали-давали»⁶.

Материалы архивов полностью раскрывают содержание, ход и результаты посольских переговоров, показывают, что центральное место на них, естественно, в разное время с разной степенью значимости, занимали 4 вопроса, а именно: вопрос о даче так называемой шарби, т. е. присяги на верность царям, настаивая на принесении которой, Москва в целом безуспешно пыталась дипломатическим путем навязать монголам свой формальный сюзеренитет, «ласкою, а не жесточью поставить их под высокую государеву руку», вопрос о кыситымах, т. е. местных инородцах, о торговле, в которой были жизненно заинтересованы обе стороны, о пропуске русских послов, торговых и служилых людей через монгольские улусы в Китай и содействии их возвращению на Родину⁷.

Не только внешнеполитические связи, но и собственно внутривосточная и — в определенном отношении — социальная история Монголии XVII в. нашла определенное отражение в русских архивных документах, как справедливо отмечал И. Я. Златкин: «Без этих источников невозможно восстановить и тем более понять историю Джунгарского ханства»⁸.

То же самое можно сказать и о государстве Алтынханов. Показывают материалы и нарастание зависимости халхаских ханов от маньчжуров, усиление прямого вмешательства последних во внутренние дела Халхи, в частности в борьбу вокруг наследства Джасагту-хана Норбо в 1661 г., и т. д.

В целом мы имеем дополнительные свидетельства о кровавой междоусобице, которая раздирала Монголию в XVII в., обрекая на провал попытки объединения перед лицом маньчжурской агрессии на Джунгарском (1640) и Хулун-Балчерском (1686) съездах князей, и во многом предопределила поражение монголов в противостоянии Цинам, а также информацию о службах, периодически возникавших владениях Алтын-ханов в Джунгарском ханстве в связи с борьбой за престолонаследие, сведения о пленении ойратами Алтын-хана Лувсан тайджи, убийстве всеойратского хана Сенге, опустошительной монголо-ойратской войне 1688 г. и других политических событиях.

Документы свидетельствуют также о полном господстве ламаизма, активном участии лам и женщин — жен и вдов монгольских владельцев — в политической жизни и посольских отношениях, сообщают сведения об образе жизни, некоторых нравах и быте населения страны.

Все вышесказанное определяет непреходящую значимость этих материалов как полноценного и уникального источника по истории Монголии и, естественно, по истории России, Сибири, в определенной степени — и истории ныне независимых Киргизии и Казахстана, а также по истории и географии Центральной Азии, как сформулировал академик В. Мясников, — по «дипломатической истории» восточной границы⁹.

Примечания

¹ Так, например, только в «портфелях Миллера» сохранились стайные списки посольств Федора Михалевского и Гаврила Шешукова к Тумету-хану, М. Ржицкого — к ойратскому хану Сенге, Я. Неприпасова — к Галдану Бошокту-хану и т. п.

² Это послание Алтын-хана Омбо-Эрдэни царю Михаилу Федоровичу от 14 января 1635 г.; семь писем Алтын-хана Лувсан тайджи царю Алексею Михайловичу, от 1602—1665 гг.; его же письма царю Федору Алексеевичу от 1672 г.; фрагменты двух писем Тушету-хана Чихуне Доржи от 1672 и 1675 гг.; копии писем хошиутского Аблятайджи от 1661 и 1665 гг.; письма всеойратских ханов Сенге от 1666 и 1668 гг. и Галдана от 1671 и 1672 гг. и др.

³ РГАДА, ф. Мунгальские дела, оп. 2, 1673, д. 1 и др.

⁴ РГАДА, ф. Мунгальские дела, оп. 2, 1638, д. 6, л. 1—27.

⁵ См. напр.: РГАДА, ф. Сибирский приказ, сблб. 1058, л. 76.

⁶ Русско-монгольские отношения, 1607—1636: Сборник документов, М., 1959. С. 55—56.

⁷ См., например, статейный список Сеиткула Аблина, возглавлявшего первый русский торговый караван в Китай в 1668 г. В этом списке детально рассказано о помощи, оказанной ему всеойратским

ханом Сенге. РГАДА, ф. Сибирский приказ, сблб. 535, с. 137—192, 199—203. В ответ на просьбу царя Алексея Михайловича от 16 февраля 1676 г. Тушету-хан и Ундур-еген оказали помощь русским посланникам в Китай — Н. Спафирию в 1679—1680 гг., Н. Венюкову и И. Фаворову в 1686—1687 гг. и С. Коровину и И. Кочанову в 1687—1688 гг. в проезде через их владения туда и обратно.

⁸ *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства. 2-е изд. М., 1982. С. 10.

⁹ *Мясников В.* Договорными статьями утвердили. Дипломатическая история русско-китайской границы XVII—XVIII вв. М., 1996.

M. I. Gol'man

**RUSSIAN ARCHIVAL DOCUMENTS
ON THE HISTORY OF 17TH-CENTURY MONGOLIA**

The history of Mongolia in the 17th century is full of dramatic events which have been richly documented in various languages.

Among these important sources, a worthy and special place is occupied by the rich collections of Russian archival materials, which include thousands of items.

For the 17th century, they are concentrated for the most part in the Russian State Archive of Ancient Documents (RGADA) in Moscow and in the Archival Section of the Russian Academy of Sciences in SP (RAS Archive), and partly in the Petersburg Section of the RAS Institute of History (POII).

In RGADA, the main source is the collections of the ambassadorial department (prikaz), grouped thematically by collection: Mungal affairs, Ziungar-Kalmyk affairs, certain affairs and relations of Russia and China, numerous and voluminous parchment rolls of the Siberian department and, partly, the department of the Kazan palace, as well as collections from the Irkutsk, Verkhotur'sk, and Nerchinsk scribal government offices (prikaznye izby).

These collections are distinguished by the predominance of originals and a large number of duplicates.

In the RAS Archive, we know of the so-called «Miller portfolios», which contain copies of books with records from the scribal government offices of Tomsk, Tobol'sk, Tiumen',

Tara, and several other Siberian cities. In POII, we find the collections of the Irkutsk voivode government office and the «Nerchinsk legal documents» collection. There is no small number of unique documents here¹.

In composition, all of these collections are largely uniform: they bring together article lists, reports by Russian ambassadors on travels to Mongolian and Jungar ulus and to China, records of receptions and negotiations with Mongolian messengers in Moscow and Siberian cities, missives from the Tsar to Mongol princes and khans, documents and decrees from the Tsar to Siberian voivodes and their article lists and replies to the Ambassadorial and Siberian departments, excerpts from departmental reports to the Tsar and boyar дума on various contacts with the Mongols, accounts by members of the service class who traveled to Mongolia for trade and other purposes, their petitions, etc.

Of special interest both for their content and as rare examples of Mongol and Oirat «clear writing» are the «tod biching». For the 17th century, they are represented, in all, by 17 original missives to the Tsar from leading Mongol rulers preserved either fully in the original or in fragmentary form².

The overwhelming majority of documents concern first and foremost the entire spectrum of Russian-Mongolian political and economic relations. These documents show incontrovertibly that close ties existed throughout the 17th century between Russia and the Mongolian uluses, and that ambassadorial and trade exchanges took place on a regular basis.

The archival materials fully reveal the content, process, and results of ambassadorial talks, demonstrating that four questions occupied a central place with varying degrees of significance and at various times. They were: the question of giving the so-called sharby; the question of kysityms, or local foreigners (inorodtsy); the question of trade, a vital interest of both sides; and the question of permitting Russian ambassadors, trade and service people through the Mongol ulus to China.

Russian archival documents reflect not only external political ties, but the internal political and, to a certain degree, social history of Mongolia in the 17th century. As I. Ia. Zlatkin justly remarked, «without these documents, it would be impossible

to reconstruct and, more importantly, understand the history of the Jungar khanate»³.

The documents also demonstrate the absolute predominance of lamaism and the active participation of lamas and women — the wives and widows of Mongol rulers — in political life and ambassadorial relations. They also provide information on the way of life, mores, and everyday life of the country's population.

All of the preceding confirms the permanent significance of these materials as a full-fledged and unique source on the history of Mongolia and, naturally, the history of Russia and Siberia. To a certain degree, they also illuminate the history of the newly independent states of Kirgizia and Kazakhstan, and the history and geography of Central Asia as formulated by academician V. Miasnikov: the «diplomatic history» of the Eastern border⁴.

Notes

1. The «Miller portfolios», for example, have preserved article lists?? of the embassies of Fedor Mikhalevskii and Gavril Sheshukov to the Tumet khan, that of M. Rzhitskii to the Oirat khan Senga, Ia. Nepriposov to Galdan Boshokt, etc.

2. The missive of the Altyn khan Ombo-Erdeni to Tsar Mikhail Fedorovich on January 14, 1635; seven letters of the Altyn khan Luvsan taydzhi to Tsar Aleksei Mikhailovich between 1602—1665, his letters to Tsar Fedor Alekseevich in 1672, fragments of two letters to Tushet khan Chukhuna Dorzhi in 1672 and 1675, copies of letters from the Khoshiut Ablai taidzha from 1661 and 1665, letters of the all-Oirat khans Senge from 1666 and 1668 and Gadlan in 1671 and 1672, and others.

3. *Zlatkin I. Ia.* Istoriia Dzhungarskogo khanstva [History of the Jungar khanate], 2nd edition. Moscow, 1982. P. 10.

4. *Miasnikov V.* Dogovornymi stat'iami utverdili. Diplomaticheskaia istoriia russko-kitaiskoi granitsy XVII—XVIII vv. [Established by negotiation. The diplomatic history of the Russian-Chinese border in the 17th—18th cent.]. Moscow, 1996.
